

О чем поет Монтан

Одна из самых прекрасных актрис Франции, создательница целой галереи женских образов, знаменитая Симона Синьоре стоит в темных кулисах зала Чайковского, забюто кутаясь в накинутый на плечи шарф. У нее холодные пальцы, хотя вовсе не холодно. Глаза устремлены на сцену. Там ее муж. В луче прожектора его лицо, а за ним две огромные тени: одна — на белом тюлевом экране, другая, еще большая — на задней стене сцены.

Это Ив Монтан поет о маленьком негре — чистильщике башмаков на Бродвее. В зале тихо. Так тихо, будто там никого нет. Кончилась песня. Исчезли тени. И, освещенный десятками прожекторов, на сцене стоит стройный человек в коричневых брюках и в такой же коричневой куртке. Стоит и улыбается. А зал разлаивается от аплодисментов, криков: «браво», «бис», «спасибо», «еще», «еще». Успех. Настоящий большой успех.

Но разве можно было в нем сомневаться? Ведь и Монтана, и песни, которые он поет, давно любят и знают миллионы советских людей. Почему же так волнуется Симона Синьоре? Почему так взволнован Монтан? Почему два дня подряд он репетировал, работая и с оркестром, и с электриками, повторяя по многу раз чуть ли не каждую песню? Буквально насильно увели его со сцены за несколько минут до начала концерта, когда уже надо было пускать зрителей. И в течение всех репетиций Симона Синьоре была с ним: либо за кулисами, либо в пустом партере. «Симон, ты здесь?» — звучало со сцены. И неизменно раздавался ответ: «Я здесь, Ив». Так почему же так взволнованы были и Синьоре и Монтан?

Да потому, что оба они — большие актеры. И будет ли это роль в кино или песня в концерте — для них это куда больше, чем просто профессиональное выступление. Нет, и роль, и песня — это прежде всего средство, сильное, действенное средство раскрыть перед людьми что-то самое важное, самое нужное.

Цель своих гастролей в Советском Союзе Монтан взволнованно изложил в письме, напечатанном в «Известиях», и в коротеньком заявлении у микрофона на аэродроме в ту памятную всем встречавшим ночь, когда из темноты и снежной мглы вынырнул рычащий самолет. Как и на сцене, Монтан стоял перед микрофоном в лучах кинопрожекторов. На его темные волосы медленно садились снежинки. О чем же написал Монтан, готовясь к отъезду из Парижа, и о чем сказал он в первые же минуты приезда в Москву? О том, что единственное его желание — это служить делу дружбы, делу мира.

Но разве все песни Монтана посвящены этой теме? Разве о дружбе между народами или об ужасах войны рассказывает песня про беззаботную девушку, любящую качаться на качелях? Или смешная песенка про дирижера симфонического оркестра, решительно сломавшего свою дирижерскую палочку, чтобы танцевать с любимой простой вальс под шарманку.

И все-таки, как бы это на первый взгляд ни показалось странным, нет ни одной, буквально ни одной песни, которая, став в ряд с другими, не окрасилась бы единой монтановской темой. Очень трудно выразить эту тему одним словом, но, может быть, самым точным будет слово «счастье»: право на это счастье всех простых людей. Каждого простого, хорошего человека, кто бы он ни был, этот человек. Шофер, партизан, солдат, бездумная девушка или дирижер, парижанин или мальчик с Бродвее. Монтан грустит вместе с ним, если человеку этому тяжело, и радуется вместе с ним, если ему выпало хотя бы маленькое счастье. Даже и тогда, когда песня грустная, очень грустная, даже и тогда вы чувствуете, что поет ее Монтан не просто для того, чтобы рассказать о чем-то непонятном, безнадежном, а для того, чтобы сказать, что этого не должно быть.

Не должно быть, чтобы фабрикант шампанского мог за деньги покупать любовь девушки, а действительно влюбленный в нее человек — прислуживать им. Не должно быть, чтобы комедианты веселили людей, а сами голодали. Не должно быть, чтобы труд был таким изнуряющим. Нет, люди должны быть счастливы. Прежде всего счастливы. В это верит Монтан, и этому он служит. Недаром так прекрасно, так сильно и так убедительно звучит песня «На рассвете». Да, на рассвете часто навсегда расстаются влюбленные. На рассвете умирают раненые, на рассвете казнят приговоренных к смерти. Но на рассвете рождаются надежды и раскрываются просторы. Рассвет — это утро нового дня.

Нет, ни сами песни, хотя они очень хороши, ни голос Монтана, хотя он очень выразителен и музыкален, ни великолепное умение двигатся, ни замечательное музыкальное сопровождение, ни разнообразие освещения, хотя и оно очень талантливо, ничто, взятое отдельно, не принесло бы Монтану даже десятую долю того успеха, который он имеет. Этот успех приносит ему удивительная вера в человека.

Совсем недавно я получил из Ленинграда письмо от незнакомой мне женщины П. А. Мироновой. Она пишет: «Это было в декабре 1941 года. В Ленинграде, во время блокады. Я шла из института и попала под бомбежку, пришлось зайти в бомбоубежище. Оно было в огромном мрачном доме около Мальцевского рынка. Бомбоубежище было тоже очень страшное: узкое, мрачное, как склеп. Дали отбой. Все стали выходить. Тут я увидела в углу двух детей: девочку лет семи и мальчика лет пяти. У обоих были отечные лица и синие губы... Страшно и сейчас вспомнить этих детей. Нет, нельзя допускать, чтобы на детские головы опять падали бомбы».

Да, нельзя, чтобы падали бомбы. Все, все, что только может сделать каждый, он обязан делать для дружбы между народами. Монтан борется за это не на словах, а на деле. За счастье всех тех простых людей, о которых он поет. Он верит в это счастье, и за веру эту так полюбили Монтана советские люди и назвали его своим другом.

С. ОБРАЗЦОВ.